

Тело, образ, текст, знак, сила воображения...: философия тела Дитмара Кампера

М.Л. Степанов

*Санкт-Петербургский Государственный Университет,
факультет философии и политологии, кафедра онтологии и теории познания
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5*

В статье представлена философия тела немецкого философа Дитмара Кампера. Через концепты: «абстракция тел», «антропологический четырехугольник», «мышление тела» — рассматривается связь теории воображения и философии тела с медиа теорией Вилема Флюссера. Согласно Дитмару Камперу, тело — наше живое тело — основа всего того, что мы есть и что мы делаем — становится большой проблемой. Необходимым для решения этой проблемы является новый опыт, который я называю «опытом мышления тела».

Проблема тела является ключевой для немецкого философа. Начнём с того, что его приход в философию инициирован интенсивными занятиями собственным телом. Ведь будучи уже специалистом по физической культуре, Дитмар Кампер¹ начинает путь в культуре философской. Переключаясь с тела на мысль, Кампер телом вклинивается в философию и делает тело одним из главных предметов своего исследования.

В соответствии с парадигмой основанной им трансдисциплинарной исторической антропологии цель Кампера — разрушение универсального и вечного. Отображения, представления построены на сходстве, аналогии требуют образца и подражания, привязки на «всегда и везде».

А-историчности феноменологии Кампер противопоставляет принцип исторической антропологии с её вниманием к культурным контекстам и ментальностям, при этом остаётся важнейшее от феноменологии — уход от догматизма. Мысль не как собирание исторических фактов, а как выведение на поверхность зон молчания и к молчанию стремящихся истин, не умолчать и не выбросить, а артикулировать.

Мышление выступает как познание и познание познания, но при этом не как феноменологическое «заклучение в скобки» в отказе от культуры, истории, в отречении от любого знания и возвращение тем самым к радикальному не-знанию, а выступает как мышления тела. Мышления здесь и сейчас живого тела во времени, погруженного в культурный контекст, но не плывя в бездумность, а сталкиваясь с парадоксами и нонсенсом формирующего смысл. Таким образом, возвращается к радикальному незнанию досократиков.

Проблема живого тела, которое не имеет эталона на все времена, тела в пространстве и времени, не может быть поставлена в парадигме репрезентативной цивили-

© М.А. Степанов, 2008.

¹ Dietmar Kamper (1936–2001), немецкий философ и антрополог, профессор по кафедре исторической антропологии в Свободном университете Берлина (FUB), основатель и главный представитель одноименной дисциплины «Историческая антропология». Наряду с проблемой тела и в связи с ней основными темами исследований философа являются история человека и история силы воображения, которой посвящены три основные его работы: «История способности воображения» (1981), «Социология воображения» (1986), «Теория фантазии» (1995). Его последняя книга «Смена горизонта» (2001) посвящена широкому полю проблем современности, в том числе судьбе телесности и мышления.

зации, где пространство и тело понимаются как контейнеры для вещей, мяса и костей. А это означает, что пробуждение в «нулевом измерении численного мышления» от репрезентативности может вывести цивилизацию на новый виток существования, где вместо образа и образца есть собственное единичное тело, воплощающееся на свой страх и риск во множественном мире.

1. От способности воображения к мышлению телом

Специалист в области истории и социологии воображения Дитмар Кампер рассматривал способность воображения в эмпирическом плане¹. Он вскрыл внешние и внутренние обстоятельства проникновения архаического языческого опыта в сердце европейской культуры и его освоения в мифопоэтическом мышлении.

Внешне проникновение архаического опыта происходило в заполнении духовного вакуума, возникшего в сердце христианства на месте угасшего миссионерства, чужими культурами и религиями, далекими от рационализма и построенными на древнем восприятии и осознании мира. С появлением многочисленных работ по исследованию мифов и культур, религий и искусств, психологии народов и первобытного мышления, массовое сознание стало проникаться «чужеземным» более чем «родным». Таким образом, «цивилизованный европеец» вдруг обнаружил свою глубинную схожесть с, как он полагал, «диким человеком». Идеологический подход к мифологии сменился мифопоэтическими опытами мышления.

Архаика сама открылась внутри нас и потребовала изучения архаического, которое оказалось не на маргиналиях культуры, а в самом её центре. Это открытие дало возможность увидеть, что рационализация никогда не являлась пределом мышления, что всегда существовало мышление, способное погрузиться в «дикое бытие» и принести оттуда архетипические образы, формирующие бытие самого сообщества, без которых никакая рационализация невозможна. Однако мифопоэтическое мышление является лишь модусом способности воображения.

Согласно Камперу, способность воображения есть *a priori* человеческая сила, но не как принадлежащая субъекту способность. Сам субъект — продукт недавний, насчитывающий около трёхсот лет, способность же воображения коренится в природе человека как живого тела и принадлежит человеку как родовое свойство. Более того, она «не принадлежит человеку, он принадлежит ей»². Именно она, считает Кампер, способна достичь глубин архаического и выявить его влияние в современной культуре. В понимании Кампера способность воображения есть энергия, способность и возможность, способность встречи с бытием и возможность сделать человеческое существование бытийственным.

Архаическая способность «сочувствия материалу, на который наносят метки», чувство глубокой нерасторжимой связности универсума, базирующееся на способности воображения, помогали обходиться без войн и депрессий. Метки на камнях и меченые тела образовывали память, не требующую нарратива и экзегезы. Меченый «материал» — условие памяти события, повторяемое переживание его позволяет гармонизировать ритм микро- и макрокосмоса³.

Диагностируя нынешнюю духовную ситуацию, Кампер отмечает исчезновение тела в образе и понятии, а вместе с ним и способность воображения уплощается и до-

¹ Kamper D. Zur Geschichte der Einbildungskraft. München: Suhrkamp, 1981.

² Kamper D. Der Körper, das Wissen, die Stimme und die Spur // Quel corps? Eine Frage der Repräsentation. Hrsg. H. Belting, D. Kamper. München: Fink, 2002. S. 173.

³ Kamper D. Zur Soziologie der Imagination. München: Hanser, 1986. S. 149-154.

ходит даже до полной атрофии. Человек сводится к мозгу и генетическому коду, к тексту, который читается, однозначно понимается и воспроизводится и, кроме того, виртуально представляется. Тело, способное воспринимать, наслаждаться и страдать, становится неким пережитком старины.

Обращаясь к архаике, Кампер не идеализирует её, а, диагностируя современность, не отказывается от настоящего. Он не отдает предпочтения ни тому, ни другому историческому типу культуры, а надеется найти возможность третьего пути, сохраняющего достижения эпох и способного сохранить живительную силу воображения. Для этого необходимо почувствовать различия культур, а именно: хиазматически, так, чтобы «пустая слепота» взгляда в чистое прошлое и «слепая пустота» взгляда в чистое будущее были осознаны как «апофеоз чистого гнета» понятий и образов¹.

Философ убежден, что способность/сила² воображения должна быть восстановлена в повседневности как «мышление тела». Она единственная может противостоять насилию абстракции и формализации, разрушающих мир и обдирающих мышление до костей. Сила воображения в модусе «мышления тела» способна заложить новое основание культуры живого человеческого тела.

2. Антропологический четырехугольник

Размышляя над судьбой тела в современной культуре, Кампер приходит к выводу об исчезновении тела в образе. Детально эту проблему он прорабатывает на материале концепции развития цивилизации медиатеоретика Вилема Флюссера в докладе «Тела-абстракции. Антропологический четырехугольник: тело, поверхность, линия и точка» (1999)³.

В своей незавершенной работе «От субъекта к проекту» (1991) Флюссер делает набросок истории развития цивилизации как смены ведущих средств коммуникации. Флюссер пишет:

Медленное и трудоемкое культурное развитие человечества можно рассматривать как постепенный отход от жизненного мира, как всё возрастающее отчуждение. С первым шагом назад от жизненного мира — из контекста людей, касающихся вещей, — мы становимся разработчиками, и отсюда следующая практика — производство инструментов. Со вторым шагом назад — на этот раз из третьего измерения обработанных вещей — мы становимся наблюдателями, и из этого следующей практикой является производство образов. С третьим шагом назад — на этот раз из второго измерения воображения — мы становимся скрипторами, и из этого следующая практика — изготовление текстов. С четвертым шагом назад — на этот раз из единичного измерения алфавитного письма — мы становимся калькулирующими, и отсюда следующая практика — современная техника. Этот четвертый шаг в направлении тотальной абстракции — в направлении нулевого измерения — был совершен вместе с эпохой Возрождения, и в настоящее время он полностью осуществлен. Следующий шаг назад к абстракции не целесообразен: меньше чем ничто быть не может. Поэтому мы, так сказать, поворачиваемся на 180 градусов и начинаем так же медленно и тяжело шагать обратно, в направлении конкретного (жизненного мира). И отсюда новая практика компьютерного моделирования и проецирования от точечных элементов к линиям, плоскостям, телам и нам, имеющим отношения к телам⁴.

¹ Kamper D. Zur Geschichte der Einbildungskraft. S. 207.

² Немецкое *die Einbildungskraft* может переводиться на русский язык и как *сила* и как *способность воображения*.

³ Kamper D. Körper-Abstraktionen. Das anthropologische Viereck von Raum, Fläche, Linie und Punkt. Köln, 1999.

⁴ Flusser V. Vom Subjekt zum Projekt. Menschwerdung // Schriften von Vilém Flusser. Hrsg. von St. Bollmann; Bd. 3. Mannheim: Bollmann, 1994. S. 217.

Флюссер отмечает, что со второй половины XX века мы можем наблюдать новое необычное развитие образности. Она проникает в различные сферы человеческого пространства, принципиально меняя их. Становится возможно видеть доселе невозможное, что существовало лишь в виде символов, понятий, формул, текстов. Так, по его мнению, открывается сфера не дискурсивной философии, а философии, работающей с образами, где «устанавливается новый уровень сознания, новый воображаемый мир, который стоит не «под» понятийным мышлением, а «над» ним»¹.

Ситуация, в которой образ становится столь значимым, что телу и тексту не остается места, получила название «иконический поворот», по аналогии с двумя предшествующими — онтологическим и лингвистическим поворотами XX века. Патетика концепции иконического поворота заключается в тезисе о конце текстуальности. Мир больше не может объясняться моделью текстуальности². Текст-центрические парадигмы исчерпали себя, визуальность начинает позиционировать себя не как отражение действительности, а как конструкция самой действительности. Образы видят нами, так же как язык говорит нами. Образ дает конструкцию взгляда, диктует нам то, что мы видим, и что мы не видим. Образ, даже больше, — это то, что мы не видим. Нам задается матрица того, что нужно видеть через этот образ³.

Кампер воспринял идею Флюссера о четырех ступенях абстрагирования и разработал «антропологический четырехугольник». Дело в том, что Флюссер, нарисовав схему пошагового регресса к нуль-измерению, оставил открытым вопрос:

Как можно представить отношения этих измерений, к которым причастны люди, чувствуя, смотря, записывая и считая. Это вопрос о структуре и генезисе, о топологии и истории тел-абстракций, ведь они — не только предмет познания, но и условие возможности познания. Во время работы над этим эмпирико-трансцендентальным вопросом нельзя забывать, что обычно пишут и думают исходя из линии, в лучшем случае — из поверхности⁴.

Как возможен переход со ступени на ступень абстракции? Как возможно движение в направлении от точки к телу? Как возможны эти движения? Каковы будут взаимоотношения между телом и образом, телом и письмом? Как живут и умирают люди с пространством, поверхностью, линией, точкой и в них? — вопросы, которые занимают внимание немецкого философа.

Он представляет соотношения измерений в виде «антропологического четырехугольника»: тело-пространство, плоскость-изображение, письмо-линия, время-точка. Это вводит другую динамику и ставит другие акценты. Становится очевидным, что «"переход" от одной фиксированной точки к другой — пропасть». Вопрос еще более усложняется, если принять во внимание измерения специфически человеческих способностей: речь/слух, зрение, письмо/чтение, счет. Это еще более усложняет задачу

¹ Flusser V. Eine neue Einbildungskraft // Schriften von Vilém Flusser. S. 263.

² Mitchell W.J.T. Der Pictorial Turn // Privileg Blick. Kritik der visuellen Kultur. Hrsg. von C Kravagna. Berlin: Ed. ID-Archiv, 1997. S. 15.

³ Тема иконического поворота набирает силу, с каждым годом растет число научных мероприятий посвященных исследованию роли образности в культуре. Приведу лишь два наиболее известных в немецкоязычной среде сборника из множества литературы по этой теме: Privileg Blick: Kritik der visuellen Kultur. Hrsg. von C Kravagna. Berlin: Ed. ID-Archiv, 1997; Iconic-Turn. Die neue Macht der Bilder. Hrsg. von H. Burda und Ch. Maar. 3. Aufl. Köln: DuMont 2005.

⁴ Kamper D. Körper-Abstraktionen. Das anthropologische Viereck von Raum, Fläche, Linie und Punkt. S. 12.

«возвращения», которую ставил Флюссер. Становится совершенно непонятно их соотношение, но ясно, что без них невозможен регресс из прогресса абстракции. («Rückschreiten aus Rückschritten», «возвращение из регрессивного движения», — так Флюссер называет «становление человека»).

Философ диагностирует в истории цивилизации неизбежное и необратимое постепенное удаление тела от изобилия к пустоте, от четырехмерного жизненного мира в ледяную пустыню абстракции, вплоть до нуля и соответственно до вычислений с нулем и соответственно до вычислений с ноль/один. «Это возвращение вверх по течению мышления тела, которое, вместе с тем, очевидно для всех в своей элементарной трудности»¹. Так, необходимо отметить, что как процесс, письмо всегда непредсказуемо; зрение всегда неопишимо; слух касается невидимого; чувство всегда неповторимо.

Разрабатывая антропологический четырехугольник способностей, Кампер онтологизирует его, добавляя размерность «без-размерного». Безразмерное как общее поле, в котором возможна хиазма, сплетение способностей, их взаимодополнительность. Живое тело внеположено четырехугольнику. У него нет ни образа, ни значения, ни субъективности, оно ни центр, стержень. Но оно способно производить и образ, и значения, и субъективность.

Таким образом схематизируя «четырёхугольник» измерений (тело-пространство, образ-плоскость, письмо-линия, время-точка), из горизонта, то есть из ощущений тела получается следующая схема, которая, однако, из-за своего плоскостного истолкования «точас должна вычерчиваться снова»:

Без-размерное	трёх-мерное	двух-мерное	одно-мерное	нуль-размерное
[Живое тело] (Leib)	Тело (Körper)	Образ	Письмо	(Вез) Время ([Un] Zeit)
Чувство (как процесс)	Слушание/ Говорение	Видение	Письмо/Чтение	Счет
Кожа	Ухо/Голос	Глаз	Глаз/Рука	Мозг
Пространство- Время	Пространство	Плоскость	Линия	Точка

Эта открытая и компактная схема позволяет комплексно рассмотреть взаимоотношения измерений и способностей. Задача не в том, чтобы исчислить или измерить способности человека, вписав их в схему, а в том, чтобы проблематизировать человеческие способности, то есть открыть доступ к актуализации проблемы, решать её. Каждое

¹ Ebd. S. 21.

измерение может быть рассмотрено из себя и поставлено в соответствие любому другому. Способности несводимы друг к другу. Потеря независимости, подстройка к одному «центральному» измерению извлекает из них абстрактный поток линейного кода.

Подобный анализ человеческого пространства позволяет актуализировать проблему мышления. Кампер подчеркивает, что мышление об абстракции, вообще о чем-либо, без абстракций невозможно, но нельзя забывать, что абстракция присуща сознанию, а не предмету действительности.

Причина растущего нигилизма мышления видится Камперу в постоянном несоблюдении человеком границ собственных возможностей. Именно инфантильность современного человека, неспособность признать собственную ограниченность, после каждой неудачи вытесняет, отвергает, забывает собственную ущербность, чем и образуется неосознанное с его катастрофическими воздействиями. Теперь требуется такое мышление, которое ни в коем случае больше не претендует для себя на исключение из правил, которое оно же устанавливает. Необходимо быть честным с самим собой, самоконтролем мышления можно избежать поглощения абстрактным миром, который как воображаемый двойник реального мира расширяется до бесконечности.

Кампер говорит о завершении проекта Просвещения в Постмодерне. Сила света такова, что исчезло всё. Вместо видения свет привел к слепоте неразличения, господству Воображаемого. «Нуль-измерение невозможного настоящего», «ничто», о котором говорит Кампер, есть отсутствие различия. Всё умноженное на нуль равно нулю. Нуль — однозначность, втягивающая сознание в жестокость неразличения, провозглашение неизменного, обнуленного, гомогенизированного мира. Это вечность одного и того же. Соотношение возможно лишь с самим собой, Другого больше нет, это победный марш Нарцисса в радикальной безответности мира.

Письмо стало картинкой, тело стало образом тела — иконический поворот свершился, и свершился он в пределе абстракции — в нуль-измерении. «Теперь, всё, что есть, можно превратить в образ», — восторженно заявляет Вилем Флюссер. Кампер же не разделяет подобного энтузиазма: «Если все есть образ, то более нет реальности, о которой стоило бы говорить»¹.

Всё становится конструктом, но конструкт подвержен деструкции. И опасность состоит в самообольщении, что эта конструкция вечна. Любая конструкция подвержена самообрушению, опасному для забывших и не осознающих, что конструкторы — они сами. Опасность в том, что конструкты — абстракции человеческого сознания — из инструмента превращаются в образы реальности, повсеместно создаются без соблюдения каких-либо правил, по человеческому произволу, в массах массами и в массовом количестве. Их обрушение подстерегает нас на каждом шагу, рискуя превратиться в цепную реакцию.

Кампер сравнивает современную цивилизацию с космическим кораблем, «который человечество сконструировало по образу своей мечты и по законам своего специфического интеллекта» и который вылетел в мертвое космическое пространство, отбросив «действительность и необходимость, как отработанные ступени ракеты». Человек заигрался и забыл, забыл о необходимости когда-либо остановиться, о том, что не

¹ Кампер Д. Quand meme. Воспоминания о Перебурге // Vita Cogitans: Альманах молодых философов. Вып. 2. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 214.

все в его власти. Философ предупреждает, что отсутствие тормоза и произвол человека в итоге обратятся против него самого¹.

Цивилизацию «без тормозов» остановит лишь катастрофа. Крушение — последняя остановка. Поэтому существует настоятельная необходимость найти тормоз для этого «космического корабля». «Тормоз, который в перспективе господствующей скорости может быть только стоп-краном». По мнению философа, этот тормоз — тело. «Он есть он». Современный человек стремится освободиться от тела с его потребностями и болью. Дух — вот идеал, однако «дух уже давно слишком быстр для жизни. Он останавливается только при авариях»².

Кампер ратует за «телесную революцию в способе мышления», которая вернет человека из виртуальности на «Землю», из самопроизведенного человеком континуума образов, заслоняющих действительность. По мнению Кампера, «телесная революция в способе мышления» как раз есть то, что прорывает континуум Воображаемого. Тем самым происходит «возрождение пространств и времен, которые по глупости были преданы забвению». А это означает отдавать себе отчет, где и когда ты живешь. Это значит избавление от амнезии.

«Мышление принимает форму всеобщего, однако тело становится установленным как материал, как материя и вместе с тем как особенное, от которого необходимо "воздержаться", поскольку, в конце концов, оно неузнаваемо, немислимое», — описывает современные взаимоотношения мышления и тела Дитмар Кампер. «Когда всё доставлено в точку и, наконец, перекодировано человеческим опытом от буквального к числовому мышлению, страдающее и действующее человечество попадает в ничто. В таком случае в непреодолимом соотношении сталкиваются лишенный мира дух (человек) с бездушным телом (землей) — это "вершина" и конец картезианства»³. Разрыв мышления с телом достиг своего предела.

«Нуль-измерение» выступает как диагноз цивилизации, где больше невозможно многомерное существование человека. Проблемой становится само существование человека в мире, где всё уже осуществилось и все есть образ. Отсюда, на взгляд Кампера, «прогрессивный» рост насилия в реальной жизни. Абстрагируясь от тела, становясь универсальным субъектом, человек относится и к другому как к ничтожеству, как к «пушечному мясу» — отсюда массовые убийства.

Перед таким массовым насилием важно это не стать жертвой цивилизации, не подчиниться окружению, а упорствовать, стоять на своём, но не в глупой альтернативе жизнь-смерть. Противостояние формализации и биологизации, отличие от бытия-к-смерти, упорство остаться тем, кто ты есть, то есть чем-то отличным от биомассы и социальной формы, стало быть, не просто смертным, а живым изменчивым мыслящим телом.

Своей целью философ видит проблематизацию границ видения и восприятия, а тем самым и мышления. Его цель — артикулировать не принятое, отвергнутое, затемненное, неосознанное. Неосознанное — это и есть та область, где формируется Воображаемое. Необходимо выскользнуть из-под власти Воображаемого и избежать принуждения, блокирующего мысль и поступок. Это возможно сделать, только осознав, что ты в ловушке, что ловушка Воображаемого захлопнулась за твоей спиной. И если Флюссер

¹ Кампер Д. Схватиться за стоп-кран. Искусство в головокружении скоростей. Пер. Г. Хайдаровой // Художественный журнал. 2000. № 30/31. С. 27.

² Там же. С. 28.

³ Kamper D. Körper-Abstraktionen. Das anthropologische Viereck von Raum, Fläche, Linie und Punkt. S. 18.

призывает к проецированию (что оставляет нас в сети Воображаемого), созданию альтернативных цифровых миров, через которые возможно возвращение к четырехмерному жизненному миру тела, то для Кампера в «нуль-измерении численного мышления» только собственное тело осталось тем нередуцируемым остатком способным, испытав боль, различить воображаемое и реальное. Боль как не нуждающаяся в экзегезе и не привязанная ни к одной нарративной структуре, непосредственно напоминает, что есть тело, и тело это есть моё тело, а не цифровой образ на мониторе компьютера.

Мышление возможно как опасный и болезненный скачок с регистра на регистр. Как искра, пробегающая в поле напряженности между регистрами. Нет никаких мостов между пространством-телом и образом-поверхностью, образом-плоскостью и письмом-линией, между письмом-линией и временем-точкой, между временем-точкой и телом-пространством. Между ними — пропасть, переход возможен лишь как прыжок без страховки, как дерзость. И мышление способно устанавливать событийные мосты, играючи перепрыгивая с регистра на регистр.

Чтобы понять это, антропологический четырехугольник должен быть дополнен до пятиугольника введением модальностей: обладать возможностью (Können), сметь сделать (Dürfen), долженствовать (Müssen), быть обязанным (Sollen), желать (Wollen)¹. Таким образом, в сложной взаимосвязи внешнего и внутреннего формируется «мышление тела».

3. Концепт МышлениеТела (KörperDenken).

В своей последней монографии «Смена горизонта» (2001), объединяющей многие направления мысли десятилетия, Кампер объявляет смену горизонта от «encore»² к «en corps»³, что значит: от закрытости к телесной открытости мышления. Это более не философия тождества (die Identitätsphilosophie) и более не мышление различия (das Differenzdenken), а рефлексия в третьей потенции (eine Reflexion in dritter Potenz), в которой переписывает себя открытость и интимность в пользу сингулярности, которая есть настоящий партнер в игре для плюральности, множественности и многоскладчатости (Mannigfaltigkeit). Нулевая точка истории является её незаменимой составной частью, невообразимым миксом из судьбы, случая и риска⁴.

Самооткрытие границ достигается в «нулевой точке истории». «Конец истории», восторженно встреченный некоторыми теоретиками, не разделялся Кампером. Он объявляет конец представления. Лишь то, что само себя в языке сплетает, может быть высказано. Это немислимый рывок от метастаз к хиазме. Его цель — покинуть пустое соотношение между преодолением нигилизма и нигилизмом преодоления. Что возможно лишь на границе мышления и жизни, у «стены невозможного», как называет её Кампер.

Достигнуть границ, предела жизни и смерти, мышления и безумия, и задержаться там пытались лишь немногие: Ницше, Лакан, Батай, Бланшо. Делёз описывает этот опыт как опыт художников-клиницистов цивилизации, имеющих право описывать предельное, так как испытали его опыт на себе.

¹ Kamper D. Horizontwechsel: Die Sonne neu jeden Tag, nichts Neues unter der Sonne, aber... München: Fink, 2001. S. 47.

² *encore* (фр.) — ещё, вдобавок; кроме того. Очевидна отсылка к одноименному, XX семинару Лакана.

³ *en corps* (фр.) — в полном составе, всем корпусом.

⁴ Kamper D. Horizontwechsel: Die Sonne neu jeden Tag, nichts Neues unter der Sonne, aber... S. 7-8.

Полное название последней монографии Дитмара Кампера звучит так: «Смена горизонта. Ничего нового под солнцем, но солнце новое каждый день». Никогда нельзя быть уверенным, что это так, это можно лишь почувствовать, почувствовать обновленный мир.

Он обращается к досократическому мышлению. Особенно важны для Кампера двойные предложения Гераклита, которые есть описания смены горизонта. Двойные предложения, где первое предложение противостоит второму без того, чтобы его снять, циркулируют, порождая друг друга, сами есть смена горизонта. Структура предложений Гераклита такова, что это охват неохватного. «Неохватное» использует шанс противоречия против человеческой сигнификации. Это альтернативная логика безостановочно бинарному кодированию мира¹.

Открытая телесность мышления не может быть бинарной. Бинарность предполагает только разграничение, рамку; мышление тела же есть множественность — отсутствие рамок. Бесформенная множественность способностей, их сплетение, многоскладчатость. Его можно сравнить с хаосом, порождающим из себя многообразие форм. Но не только.

Прежде всего, «мышление тела» не в состоянии само себе дать ответы на вопросы, это не аутичное мышление монолога, а диалог и полилог, оно принципиально множественно. Вместо единства — многоскладчатость, плюральность и множественность, оборот от фундаментальной философии к мышлению тела, которое есть герметичное мышление², но не в смысле мистическое и эзотерическое, а получившее своё название от имени бога Гермеса — посредника между человеком и богами. Таким образом, это мышление, отвечающее за перевод непереводаемого, невыговариваемого, неопишуемого, что возможно не иначе как хиазматически.

«Мышление тела расположено по другую сторону монотеизма Разума, по другую сторону бинарности здорового человеческого разума и по другую сторону тринитарности спекуляции и диалектики»³. Это всегда изобретение, утверждение своего обретения. Каждая ситуация требует изобретения, чтобы обрести событие. Консерватизм и тупое «всё как всегда» не работает, не приведет к субъективации, а значит пройдет мимо, оставит позади и раздавит Воображаемым.

Речь идет не о сделанности, а о постоянном переделывании, о процессуальности субъективности и любых форм опыта. Отсюда такое обилие субстантивированных глаголов: *Sehen*, *Noegen* и так далее. Мышление как форма телесного опыта. Это не просто открытие, а изобретение — это деятельность силы воображения.

Философ пишет: «Все теории основываются на повествованиях, все повествования на сценах, все сцены на фигурах, все фигуры на образах, все образы на ранах»⁴. Кампер высказывает мысль, которая не лежит на поверхности, а именно, то, что образ отсылает к «разить», «поражать», «ранить». Обычно под образом понимают — «образовывать», то есть соединять, или привычное «картина-образ», как в немецком языке. Этимологически же в русском языке образ от слова «резать/разить», «обрезать»⁵. Таким образом, единство видимого и осязаемого объединяются в работе силы воображения,

¹ Ebd. S. 87-88.

² Ebd. S. 46.

³ Ebd. S. 93.

⁴ Kamper D. *GeistesGegenwart und KörperDenken // Paragrana*, Heft 6/1997: Selbstfremdheit. Hrsg. von Dietmar Kamper. Berlin: Akad.-Verl. S. 266.

⁵ Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*: в 4 т. Пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. Т. 3. М.: Терра — Азбука, 1996. С. 106.

модусом которого является «мышление тела». Будучи по другую сторону тождественности и дифференциации, Кампер на основе «мышления тела» пытается основать «науку как страсть» («Wissenschaft als Leidenschaft»)¹.

Если знание идёт от всегда уже увиденного и ставшего, то боль, страдание (Leiden) есть прихождение, живой опыт, всегда новое. Познание как страсть строится хиазматически, а не метафорически. То есть — самому попробовать своё изобретение, как первые учёные. Её принцип звучит как «Иди на ту сторону и возвращайся назад!». Поэтому не метафоры, а хиазма, «например: нет познания опьянения без опьянения познания. Метафора есть простое перенесение (трансфер), хиазма — вдвойне, есть трансфер и контртрансфер. Тут вступает в игру тело Другого: вещь бросается в глаза как ретроспективный взгляд образа, крушение жеста господина и конец рабства, наконец, борьба на поражение»².

Хиазма как гиперкомплексная фигура мысли сама не может быть обозреваема познанием. Она не может быть представлена, потому что она то, что может представлять и охватывать. В этом отношении её невозможно воспринять из картезианской модели объекта-субъекта. Хиазма показывается лишь после отказа от метафор, после отказа от метафизики зрительной конфронтации «субъект-объект».

Наука как страсть, методологическим принципом которой выступает сплетение хиазма, противостоит как чистой рациональности, так и метафорической философии постмодернизма. «Между метафорой и хиазмой не просто отсутствует переход, а [лежит] пропасть, которая должна быть с болью пережита»³. Это философия процессуальной телесности, утверждающей, что истина-правда пишется на/в теле.

М.А. Stepanov

Body, image, text, sign, force of imagination...: body's philosophy of Dietmar Kamper

In article, the philosophy of body of German philosopher Dietmar Kamper is presented. Connection of the theory of imagination and philosophy of body with Vilém Flusser's media theory through concepts: «bodies-abstraction», «anthropological quadrangle», «body's thinking» is considered. According to Dietmar Kamper, the body — our lively body is the foundation of all our being and activity — is becoming a big issue. New experience which I name «experience of body's thinking» is necessary for the decision of this problem.

¹ Kamper D. Horizontwechsel: Die Sonne neu,jeden Tag, nichts Neues unter der Sonne, aber... S. 133-139.

² Ebd. S. 134.

³ Ebd. S. 135.